

Александр Стуликов

29 Комплекс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Стуликов

29 Комплекс

«Автор»

2026

Стуликов А.

29 Комплекс / А. Стуликов — «Автор», 2026

Набережные Челны, 1977 год. В подвале обычной пятиэтажки Мансур Салфин учит пацанов держать удар, подчиняться дисциплине и жить по своим правилам. Для многих это становится спасением от улицы. Но спустя четверть века этот порядок обернётся системой страха, а железная воля — властью, за которую придётся платить сотнями лет тюремных сроков. «29-й комплекс» — роман о том, как советский двор превращается в беспощадную машину, а дворовой кодекс — в закон сильнейшего. Это история людей, строивших свой мир по единственным известным им правилам, и цены, которую заплатит каждый: тот, кто отдавал приказы, тот, кто исполнял, и тот, кто просто стоял рядом.

© Стуликов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Стуликов

29 Комплекс

Глава 1. Одно окно

Казань. Декабрь 1977-го.

Снег ложился на площадь Свободы тихо и ровно. Фонари превращали каждую снежинку в ледяную искру. Этот свет, белизна и беззаботный смех людей, выходящих из оперного театра, складывались в картину такого покоя, что смотреть на неё было почти неловко.

Напротив театра, в здании обкома, на четвёртом этаже горело одно окно.

В нём — два силуэта, неподвижных, почти чёрных на фоне тёплого света.

Министр внутренних дел Татарской АССР Салих Япеев стоял у самого стекла. Первый секретарь Татарского обкома КПСС Фикрят Табеев оставался в тени.

Разговор шёл уже второй час. И легче не становилось.

— У нас в Татарстане бандитизма нет! Салих, запомни это раз и навсегда, как молитву, — голос Табеева не повысился ни на тон.

— Фикрят-хан, Теплоконтроль...они людей убивают среди белого дня. Просто ради забавы.

Табеев тяжело опустил в кресло.

— Своих? Грызутся между собой? - в глазах у Табеева на секунду мелькнула надежда.

— Если бы. Ветерана отечественной войны забили арматурой. Автобус расстреляли — чудом все живы, только беременную зацепило, сейчас врачи борются. Вчера гранату кинули в толпу у кинотеатра... десять человек посеколо осколками.

— Ты же сам докладывал, что там дети, — Табеев скомкал лежащую перед ним салфетку.

— Большинство — несовершеннолетние.

— Арестовали? — Первый секретарь нервно постучал пальцами по столу.

— Пока в клетке. Но от одного слова Тяп-Ляп все свидетели трясутся. Молчат. Фикрят-хан. Либо мы вменяем им статью «Бандитизм», либо завтра мне придется их в очередной раз отпустить.

Табеев резко встал и подошел к шкафу с книгами.

— Нет никакого бандитизма. Хулиганство. Групповое, злостное — какое хочешь. Салих, это твоя работа.

— Они уже в открытую смеются над нами. Какая хулиганка?

Они не боятся, Фикрят-хан. Вот в чём беда. Совсем.

— В Челнах закрыли этот вопрос? — отрезал Табеев.

— Не решили, — сказал Япеев.

— Предупреди газетчиков: одна строчка про «банды» — и полетят со свистом из партии.

— Поздно. Москва уже знает, — голос у Япеева стал совсем тихим.

Табеев замер.

— Кто доложил?

Япеев промолчал.

Табеев долго смотрел в стол. Потом медленно поднялся, подошёл к окну и встал рядом с Япеевым.

Оба молчали. Табеев потёр пальцем стекло — внизу Ленин смотрел на пустую площадь.

— Подпишу. И Челнами займись. На КАМАЗе должно быть тихо.

Япеев взял папку и вышел. Табеев не обернулся.

Глава 2. Железо и чай

Набережные Челны. То же время.

В Набережных Челнах зима не падала с неба белым чудом — она напознала с Камы сырым ветром, забивалась под воротник, шла по бетону ржавой водой, стекала с козырьков, превращала двор в тёмное месиво из снега, песка и масляной грязи. Панельные дома в такую погоду казались не построенными, а выставленными наспех, как ящики на складе, — серые, одинаковые, с ровными квадратами окон, за которыми люди ужинали, смеялись, смотрели телевизор и жили так, будто всё это навсегда.

В подвале одной из многоэтажек 29-го комплекса было тепло и уютно. На стенах, бережно приклеенные на клейстер, висели вырезки из журналов: Брюс Ли в боевой стойке и вырванные из «Советского спорта» таблицы упражнений. Самодельные скамьи были обтянуты дерматином, снятым со старых дверей, а вместо блинов на грифах висели тяжелые шестерни от ходовой КАМАЗа.

Мансур Салфин сидел в углу на низком табурете. Перед ним на столике, сбитом из ящиков, стоял чайник. С этого ракурса Мансур видел каждого из пацанов, которые тягали железо.

— Садись, — Мансур кивнул вошедшему пацану с подбитым глазом на свободный край мата. — Согрейся.

Пацан присел на край мата, стараясь не капать грязной жижей с ботинок.

Мансур налил в гранёный стакан крепкого чаю, поставил перед ним.

Тот не взял.

— Пей, Гоша, — сказал Мансур.

Гоша взял стакан двумя руками — пальцы дрожали.

Мансур сел напротив, облокотился на колени. Долго смотрел на фингал.

— Расскажи, — сказал он наконец.

— На ГЭСе. Я один шёл, они впятером. Сходу, без слов — с ноги, — выдохнул Гоша.

Я еле ноги унёс.

В качалке стало тихо. Лязг железа прекратился. Все взгляды сошлись на Мансуре.

— Впятером, — повторил он тихо. — А ты, Гоша, один.

— Да.

— Значит, правильно сделал, что убежал, — Мансур поднял взгляд. — Дурак бы остался.

Гоша не понял. Остальные тоже — переглянулись.

— Но завтра возьмёшь десятерых и пойдёшь обратно.

Мансур обвёл взглядом зал.

— Найдите тех пятерых. Объясните, что 29-й комплекс не прощает. Объясните так, чтобы до конца жизни при слове «двадцать девятый» они под забор прятались.

Мансур подошёл к турнику и коснулся его холодного металла.

— Понял меня?

— Понял, Мансур-абый, — прошептал пацан.

Тридцать человек сжали кулаки.

— У меня тут ещё одноклассники, — воодушевлённо сообщил Гоша. — Ну, тоже со мной пришли.

— Заводи.

Братья вошли, остановились у порога. Тимур и Булат — шестнадцать лет, одинаковые скулы, одинаковый взгляд: не испуганный, но осторожный. Смотрели на Мансура так, как смотрят на человека, про которого уже слышали.

Мансур на них не смотрел. Он смотрел на их руки.

— Зачем пришли?

— Хотим быть с вами, — сказал старший.

— Правила знаете?

— Рассказали.

— Что рассказали?

Тимур помедлил.

— Что не пьют и не курят. Что своих не бросают. Слово держат.

Мансур молчал. Тимур добавил, уже тише:

— Что вход рубль, выход два.

В подвале стало тише. Кто-то перестал дышать.

— И всё равно пришли? — спросил Мансур.

— Всё равно.

Мансур посмотрел на старшего. Потом на младшего. Младший не отвёл взгляд.

— Снимайте куртки.

Он повернулся к остальным.

— Продолжаем.

Железо снова зазвенело.

Глава 3. Двадцать девятый не прощает

Гоша не спал всю ночь.

Лежал на диване, смотрел в потолок. Тиканье будильника в пустой комнате. Больше ничего. Слова Мансура возвращались снова и снова — не как слова, а как что-то физическое, что нельзя выплюнуть и нельзя проглотить. К утру внутри не осталось ничего, кроме звенящей сухой пустоты. Он встал в шесть. Оделся. Вышел. Двор ещё спал.

Фонарь у третьего подъезда мигал — он мигал уже месяц, и никто не чинил, и никто не жаловался, потому что так здесь было устроено: всё ломалось постепенно, и все постепенно привыкали к сломанному. Гоша постоял под этим мигающим светом. Поднял воротник. Посмотрел на тёмные окна.

Пацаны подтягивались молча. Без смеха, без лишних слов. Это было не похоже на обычный сбор — когда галдят, толкаются, куражатся. Сейчас просто выходили из темноты, кивали, вставали рядом. Каждый понимал зачем. Гоша считал. К семи утра их было десять. Ровно десять. Как сказал Мансур.

ГЭС встретил их колючей крошкой замёрзшего дождя.

ГЭС считал себя хозяином Челнов. Новые дома появились тут раньше, чем на ЗЯБе и в Новом городе. Здесь не любили чужаков. Не скрывали этого.

Гоша шёл впереди. Не переговаривались, не оглядывались. Цель была видна издалека.

У дома 7/1 на проспекте Мусы Джалиля, на широком крыльце магазина «Дружба» — того самого, который открывали под визит больших начальников из Москвы, — ошивалась вчерашняя компания.

Пятёрка лениво курила «Приму». Тот самый здоровый парень в синем треухе, который вчера ударил Гошу первым, сейчас громче всех хохотал, сплёвывая на ступеньки.

Когда из серой утренней дымки выплыла десятка — смех оборвался.

Гоша остановился в трёх шагах. Встал прямо под вывеской. Его десятка полукругом, без единого слова, отрезала пути к отступлению.

— Ты вчера задел 29-й комплекс, — сказал Гоша.

Буднично. Глядя прямо в глаза здоровому. Его собственный голос показался ему чужим.

Здоровый в треухе открыл рот. Посмотрел по сторонам — полукруг стоял ровно, никто не шевелился.

Мансур тоже был здесь.

Он стоял в тени панельной стены, почти сливаясь с серым бетоном. Шёл за ними от трамвайной остановки — держал расстояние, прятался за углами, за машинами.

Первый удар он не услышал — увидел движение. Резкое, выверенное. Увидел, как один из пятерых согнулся пополам, хватая ртом холодный воздух. Потом всё смешалось: мелькание тел, короткие замахи, белый пар дыхания в морозном воздухе над крыльцом образцового магазина.

Мансур стоял неподвижно. Руки в карманах пальто. Смотрел как работают.

Где-то за его спиной прошла пожилая женщина — тёмное пальто, тяжёлые сумки, медленный шаркающий шаг. Шла по тропинке между домами. Не могла не видеть. Прошла мимо. Не остановилась. Не оглянулась.

Вся пятёрка рванула наутёк.

Но десятка Гоши работала как загонщики. Гнали, били на ходу, не давали остановиться, не давали собраться.

Первый упал у гаражей, зарывшись лицом в грязный снег. Двух уложили у самого поворота. Четвёртого догнали уже у контейнеров за торцом дома — впечатали в ржавое железо и оставили там, в узкой щели между стеной и забором, где не было снега, только мёрзлая утоптанная грязь и запах, который стоял здесь круглый год.

Последний попытался вырваться — резко, неожиданно, почти получилось. Его поймали за воротник у самого угла тех же контейнеров. Дёрнули назад. Он что-то крикнул — захлёбывающийся, жалкий звук, который ветер съел немедленно, как будто его и не было.

Потом стало тихо. Только ветер.

Пацаны выходили из-за угла контейнера по одному. Без спешки. Гоша вышел последним — остановился, обернулся, посмотрел назад. Постоял секунду. Потом молча пошёл за остальными.

Мансур не двигался. Ждал.

По дороге вдоль домов появился желтый бобик с синей полосой. Ехал медленно. Мансур видел его издалека. Бобик приближался. Поравнялся с торцом дома. Мансур не дышал.

Бобик проехал мимо. Не притормозил. Скрылся за следующим домом, и звук двигателя растворился в сыром утреннем воздухе — как будто его тоже не было. Мансур подождал ещё минуту. Потом вышел из тени.

Подошёл к контейнерам. Заглянул за угол.

Двое лежали там — в грязи, зажатые между ржавым железом и забором. Живые. Один шевелился, другой просто смотрел в серое небо — застывшим пустым взглядом человека, у которого только что что-то отняли.

Мансур постоял ещё немного. Потом развернулся и пошёл прочь. Ровным шагом, руки в карманах — как будто просто вышел подышать свежим воздухом.

Гоша сидел на лавочке у своего подъезда. Один. Курил — хотя Мансур запретил. Но Мансура рядом не было. Затянулся, выдохнул серый дым в серый воздух. Посмотрел на руки. Костяшки разбиты в кровь — он и не заметил когда. Холод добрался до пальцев, но боли не было. Или была — но тело откладывало её на потом.

Двор просыпался. Люди выходили из подъездов — на работу, в магазин, за хлебом. Проходили мимо. Бросали быстрые взгляды на разбитое лицо, на окровавленные руки — и тут же отворачивались. Шли дальше.

Никто не остановился.

Мансур в это время уже снимал пальто в прихожей. Прошёл на кухню. Поставил чайник — тот же жест, что и вчера, и позавчера, и каждое утро.

Сел на табурет. За окном был двор, дома, серое небо.

Чайник закипел. Мансур налил чаю, обхватил стакан ладонями. Смотрел в окно.

Город жил дальше. Дети шли в школу. Люди несли сумки, курили у подъездов, смотрели под ноги — чтобы не поскользнуться на обледенелом тротуаре.

Глава 4. Участковый

Участковый пришёл в половине седьмого, когда сумерки уже плотно притёрлись к окнам пятиэтажек — синие, тяжёлые, пахнувшие выхлопом грузовиков.

Мансур открыл дверь.

Лейтенант Зайнулин стоял не прямо, а чуть боком, пряча плечо. Шапку с кокардой держал в руке.

Было время — Зайнулин верил, что участок — это временно. Год-два, не больше, пока не освободится вакансия в угрозыске. Но вакансии не было. Прошло три года. Теперь он ходил по одним и тем же дворам, знал по кличкам одних и тех же собак и перестал считать, сколько раз за смену повторял одни и те же слова. Нормальная работа. Нормальная жизнь. Он давно перестал видеть между ними разницу.

— Зайду? — глухо спросил он.

Мансур смерил его взглядом и молча отступил вглубь коридора. Сам сел к окну. Гостю оставил табурет у входа.

Зайнулин положил шапку на колени. Смотрел то на клеёнку, то в трещину на потолке — куда угодно, только не в лицо напротив. Мансур видел: пришёл сам. Без санкции, без приказа.

Зайнулин и сам чувствовал, что его читают. Он пришёл сюда, когда смена уже кончилась. В обед Сажин — сволочь аккуратная, в хорошем смысле этого слова — положил перед ним листок: «Сходи. Просто сходи, Зайнулин, твой участок».

Зайнулин умел. Умел приходить вот так, вечером, по-людски, и объяснять, как выгоднее поступить. Он делал это годами и почти не думал о том, что именно он делает. Почти.

— Про ГЭС знаешь, — сказал он. Не спросил — констатировал.

— Земля слухами полнится.

— Слухами... — Зайнулин криво усмехнулся, но вышло сухо, невесело. — Мансур, я к тебе по-человечески. Без протокола. В отделе всё знают. Не гадают, не прикидывают — знают. Твоё имя в рапортах первым номером. Меня к тебе прислали.

Мансур потрогал батарею — теплая.

Зайнулин поднял глаза — и пожалел. Такой взгляд он видел лишь однажды, у следователя городской прокуратуры — человека, который уже знал приговор, но не торопился его произносить.

«Зря пришёл», — мелькнуло в голове. Он понял это ещё в коридоре, когда Мансур отступил. Но Зайнулин всё равно вошёл. Потому что Сажин ждал результата.

— Врачи... — заговорил он быстрее, чуть сбиваясь. — Пострадавший в приёмном на тебя указал. Мансур, у тебя ещё есть люфт...

— Стоп.

Зайнулин замолчал на полуслове, будто ему перекрыли воздух.

Мансур долго смотрел на лейтенанта.

— Ты решил мне тут рассказать...

— Не я. Это условия. Это не мои слова, Мансур!

— Ты пришёл продать мне мой же страх? — рассмеялся Мансур.

Зайнулин резко встал. Шапка соскользнула с колен на пол, но он этого даже не заметил.

— Ты не так понял. Я по-людски...

— По-людски, — повторил Мансур.

И встал. Медленно, расправляя плечи. Одно это движение заняло секунду, не больше, но в нём было что-то такое, от чего Зайнулин отступил на шаг раньше, чем успел подумать — зачем.

— Я по-людски к тебе отнесусь, — сказал Мансур. — Обещаю.

Зайнулин увидел это в его глазах за долю секунды до начала — не ярость, что было бы понятно, а нечто худшее. Он даже успел подумать: «Сейчас».

В следующий момент первый удар пришёл в рёбра. Зайнулин охнул. Второй удар — в лицо, коротко, костяшками. Он не упал сразу — сделал шаг назад, потом ещё один, пока спиной не нашёл вешалку, и сполз по ней на пол. Третьего удара не было. Не понадобился.

Зайнулин сидел на полу под вешалкой. Губа была разбита, под глазом уже набухла тёмная, тяжёлая синева — завтрашний «фонарь», который не спрячешь под фуражкой. Рядом лежала шапка со следом рифлёной подошвы на сером искусственном меху.

Мансур стоял у окна. Тёр костяшки. Он прошёл в комнату и вернулся, положив на табурет несколько купюр. Положил аккуратно, расправив углы.

— На поправку здоровья.

Зайнулин смотрел на деньги. Не брал.

— Бери.

— Ты...

— Бери, сказал. И пол тут за собой вытри.

Зайнулин взял купюры. Помедлив, он затер шапкой капли крови на полу.

Мансур сел напротив.

— Передай тем, которые «знают». Ещё один такой кульбит с их стороны — и они окажутся там же, где те, кто сейчас в больнице.

Зайнулин молчал, сжимая деньги в кулаке.

— Понятно всё?

— Передам.

— Хорошо. — Мансур поднял с пола папку и протянул её. — Иди.

Зайнулин надел шапку — криво, не глядя. Пошёл к двери. Мансур смотрел ему в спину. У самого порога Зайнулин всё-таки обернулся. Взглядом не встретился — смотрел куда-то в сторону.

— Сажин завтра пришлёт кого-нибудь другого, — сказал он тихо. — Это буду уже не я, если что.

Дверь закрылась.

Мансур убрал со стола. Тщательно вымыл кружки, сел и уставился в окно.

Фонарь у подъезда мигнул — и погас. Просто погас, двор сразу стал темнее, а снег под ним перестал отблёскивать.

Мансур сидел и смотрел в ту пустоту, где только что был свет. Он думал о том, что Зайнулин сказал напоследок. Зря он это. Одно слово, и в нём не было угрозы — только усталость. Усталость человека, который не раз видел, чем всё это кончается. Который, может, и сам когда-то не задумывался над тем, что творит.

И ещё: «Это буду уже не я, если что». Зайнулин произнёс это так, будто снимал с себя ответственность. Или признавался в чём-то. Мансур не был уверен, в чём именно, но слова застряли в голове.

Снаружи снег поскрипывал под чьими-то шагами. Звук становился всё тише, пока не растворился в темноте комплекса.

Глава 5. Ответка

В подвале пахло горелым железом и потом. Тяжёлые блины лязгали о грифы, перекрывая глухое бубнение магнитофона «Весна». В дальнем углу, под тусклой лампой без плафона, Мансур медленно жал штангу.

Дверь слетела с петель. В подвал, спотыкаясь, влетели братья — Тимур и Булат. Пацаны, которых Мансур принял совсем недавно, которые сами напросились. Сейчас они были белые, глаза — как два пятака.

— Мансур-абый! — Тимур схватился за косяк, не мог отдышаться. — Там... со стороны остановки...

— Человек двести, — подхватил Булат. — С арматурой. С палками. Идут сюда!

Лязг железа разом стих. Парни, только что лениво перебрасывавшиеся шутками, замерли. Все посмотрели на Мансура. Тот медленно вернул штангу на стойки. Сел. Не спеша обмотал кулаки засаленными бинтами — правый, потом левый, затянул зубами.

— Все здесь?

— Все, абый.

— Это ответка. Скорей всего, ГЭСовские, — ухмыльнулся Мансур.

— Ждём, — сказал кто-то из толпы.

Мансур встал. Окинул взглядом подвал — бойцы поднимались один за другим, молча, без суеты, только железо негромко звякало, когда кто-то задевал штангу плечом. Он не произносил речей. Просто посмотрел на них — медленно, от стены до стены — и двинулся к выходу.

На лестнице обернулся:

— Алга!

Они вышли из подъездов и подвалов одновременно — с разных сторон, молча, как вода, которая нашла щели. ГЭСовские шли со стороны остановки плотной массой. В свете фонарей была видна арматура у них в руках, пар изо ртов, тёмные пятна фуфак на снегу.

Мансур шёл первым.

Первые секунды драки — это всегда тишина перед взрывом. Момент, когда две массы людей ещё не столкнулись, но уже знают, что это неизбежно. Этот миг тянется дольше, чем кажется. А потом — удар. Не один — сотни разом, будто кто-то опрокинул огромный ящик с железом.

Мансур не думал. Тело знало само: шаг влево, уход от замаха, короткий ответ в челюсть — не в размах, а от плеча, вкладывая весь вес. Человек перед ним сложился. Следующий пришёл сбоку с арматурой — Мансур поднырнул, перехватил руку, вывернул. Хруст. Крик. Он уже не слышал его — шёл дальше, в самую гущу, где свои и чужие перемешались в одно тёмное месиво.

Снег под ногами быстро превратился в кашу — серую, потом бурую. Кто-то падал и не вставал. Кто-то поднимался и тут же рушился снова. Мансур поймал удар по уху — в голове зазвенело, мир на секунду накренился. Он устоял. Ударил в ответ — раз, другой — и почувствовал, как что-то хрустнуло под костяшками.

ГЭСовские перли массой.

Но 29-й комплекс дрался за свои стены, за свой асфальт, за этот двор, который они знали наизусть.

Двор помогал своим: узкие проходы, тёмные арки, сугробы у гаражей, ямы под снегом. ГЭСовские спотыкались, сбивались, лезли друг на друга. Местные знали, где обойти, где ударить сбоку, где отрезать.

Момент, когда толпа ломается, не похож на кино. Нет решающего удара, нет команды. Просто в какую-то секунду несколько человек в задних рядах делают шаг назад. Потом ещё один. Это движение перекачивается вперёд, как волна в обратную сторону, и масса, которая только что давила, вдруг начинает течь прочь. ГЭСовские побежали к остановке — внезапно и все разом.

Тишина наступила так же резко, как начался шум. Только дыхание — своё и чужое, тяжёлое, клубами пара в морозном воздухе. Кто-то стонал. Кто-то сидел на сугробе, обхватив голову. Мансур посмотрел на свои руки: костяшки разбиты, левая кисть гудит. Он сжал кулак и разжал. Работает.

Кто-то из своих молча сунул ему в руку горсть снега — для костяшек.

На снегу лежали десятки тел. Некоторые уже поднимались. Некоторые — нет.

Синие маячки появились со стороны проспекта минут через двадцать. «Скорые» въезжали во двор одна за другой, фары резали темноту. В этом свете двор выглядел как операционная под открытым небом: врачи с фонариками пробирались между сугробами, выхватывая лучами то обрывок фуфайки, то брошенную палку, то неподвижное, залитое кровью лицо.

Весь 29-й комплекс смотрел из окон. Молча. Плотно задёрнув шторы.

Машины уезжали переполненными, тяжело переваливаясь на ухабах, и возвращались снова. Санитары работали почти до рассвета — методично, без лишних слов, как люди, которые делали это не в первый раз и точно знали: это не в последний.

Мансур сидел на бетонных ступенях подъезда. Никто не подходил. Он и не ждал.

Когда последний УАЗик с красным крестом скрылся за поворотом, двор окончательно опустел. В воздухе пахло йодом, железом и мочой.

Глава 6. БСМП

Больница встретила их запахом хлорки и тихим, давящим ожиданием. В вестибюле было тесно — казалось, что весь 29-й комплекс собрался тут. Парни стояли группами вдоль стен, говорили вполголоса. Даже санитарки, обычно гонявшие посторонних от первого этажа до лестницы, сегодня молчали и смотрели в сторону.

Мансур шёл по коридору. Голова в бинтах, рука в гипсе — здесь это был почти стандартный вид у каждого встречного.

В ординаторской было накурено. Завотделением — хирург с жёлтыми от табака пальцами и лицом человека, который давно перестал удивляться, — сидел за столом и что-то писал. Когда Мансур вошёл, он не поднял головы.

— Опять вы.

— Мы, — сказал Мансур.

Он положил на стол конверт — пухлый, перетянутый резинкой.

Хирург посмотрел на конверт. Потом на Мансура.

— Здесь на лекарства. Не подумайте плохого.

Врач помолчал. Медленно придвинул конверт к себе, не убирая руки. Посмотрел в окно — туда, где во дворе уже слышался рёв мотора.

— Сколько у вас? — спросил он, не оборачиваясь.

— Семеро. Трое — ваши прооперировали сегодня ночью.

Хирург кивнул. Убрал конверт в ящик стола. Снова взял ручку.

— Идите, — сказал он. — Мешаете работать.

Во дворе больницы к приёмному покою задом сдавал тяжёлый «Зил», надсадно ревя на подъёме. Из кабины выпрыгнул Марат — быстро, по-хозяйски.

— Разгружай!

Борта откинулись. Пацаны выстроились цепочкой и начали перекидывать коробки из рук в руки. В коробках было то, чего в городских аптеках никогда не существовало: импортные антибиотики в фольге с немецкими буквами, системы для капельниц в запаянных пакетах, одноразовые шприцы — целые блоки.

Подбежала медсестра.

— Это куда? Кто разрешил? Я должна главврача...

— Это для всех, — сказал Марат, не останавливаясь. — Для наших и не для наших. Поняла? Чтобы никто не нуждался. Тащи в приёмный.

Медсестра смотрела на него секунду. Потом подхватила коробку и пошла.

На скамейках у входа сидели матери. Те, чьи дети сейчас были на операционном столе или в реанимации — ждали, когда выйдет врач и скажет что-нибудь определённое. Некоторые сидели уже несколько часов.

Между скамейками ходил Славик с пачками денег.

— Это от комплекса, тёть Валь. На фрукты. Если врачи что попросят — сразу нам скажите.

Тётя Валя — маленькая, в платке, со съехавшим набок воротником пальто — смотрела на деньги и не брала.

— Там Рустам, — сказала она наконец.

— Знаю, тёть Валь.

— Зачем он туда пошёл?

— Тёть Валь, ровно всё будет. Через недельку-другую выпишут.

Она взяла деньги.

Славик отошёл от скамейки, сунул руки в карманы. Пока шёл — смотрел под ноги. Долго. Дольше, чем нужно, чтобы не поскользнуться.

Мансур стоял у входа, смотрел, как цепочка пацанов методично опустошает кузов. Коробки исчезали в дверях приёмного.

Подошёл Марат, встал рядом.

— Рустам. Сделали всё, что смогли. Врач так сказал.

Мансур ничего не ответил.

Марат выдохнул.

Скамейки у входа освобождались одна за другой. Тётя Валя всё ещё сидела. Платок у неё съехал совсем, но она не поправляла.

Мансур смотрел на неё через двор.

Потом отвернулся.

Глава 7. Глина

Зима в тот день решила дохнуть в полную силу. Ветер с Камы летел злой, колючий, выметая остатки тепла из глубоких дворов 29-го комплекса.

Рустама выносили из подъезда в полдень. Гроб был обит красным кумачом, который на фоне серого бетонного крошева пятиэтажек выглядел неестественно ярким, почти кричащим. Пацаны несли его на плечах, медленно, стараясь шагать в ногу. «Скорлупа» выстроилась живым коридором — сотни молодых лиц, застывших, с покрасневшими от мороза носами.

Мансур шел сразу за гробом. Он не надел перчаток. Пальцы озябли, костяшки, разбитые в той драке, ныли тупой, мерзкой болью, но он словно не чувствовал этого. Он смотрел в затылок Марату, который шел впереди, и слушал, как под сотнями ног хрустит грязный лед.

На кладбище было еще холоднее. Деревья, облепленные инеем, стояли как почетный караул — мертвые и неподвижные. Вырытая яма зияла черным провалом на белом полотне. Земля здесь была тяжелая, перемешанная с глиной; комья, выброшенные наверх, замерзли и превратились в камень.

Тетю Валю вели под руки. Она не кричала. Из нее как будто выкачали весь воздух еще там, в БСМП, когда врач вышел в коридор и просто кивнул. Она только всхлипывала — сухо, надсадно, и этот звук резал тишину лучше любого ножа.

— Прощайтесь, — негромко сказал старый могильщик.

Мансур подошел к краю. Рустам лежал в гробу чужой, восковой. Грим не мог скрыть глубокую синеву у виска — след той самой арматуры. Мансур положил руку на край гроба. Дерево было ледяным. Он хотел что-то сказать. Не смог. Он просто кивнул — в последний раз, как командир солдату, и отступил.

Когда гроб начали опускать на брезентовых ремнях, раздался тот самый звук, который Мансур потом будет слышать в снах. Скрип замерзшей ткани о дерево. Гроб шел неровно, задевая края ямы, и на красную ткань посыпалась первая рыхлая крошка земли.

— Рустамка... — прошептал кто-то сзади. Больше ничего.

Первую горсть земли Мансур бросил сам. Она ударила по крышке гулко, как в пустой барабан. Потом полетели остальные. Десятки рук, сотни горстей. Звук ударов земли о дерево становился все глуше, пока не исчез совсем, сменившись лязгом лопат. Пацаны работали быстро, яростно, стараясь согреться или просто заглушить то, что выло внутри.

Над свежим холмом поставили простую деревянную табличку.

Мансур обернулся к строю. Сотни глаз смотрели на него, ожидая приказа, слова, знака. Ветер рвал полы его пальто, бросал в лицо ледяную пыль. Мансур поправил шапку, медленно обвел взглядом кладбище.

— Помянем в столовой, — сказал он, и голос его, хриплый от холода, разнесся над могилами. — Вечером — сборы. Все.

Они уходили с кладбища так же, как пришли — плотной, молчаливой массой. А за спиной оставался чёрный холм, глина и запах гвоздик, которые на таком морозе превратились в стекло.

Глава 8. Рапорт

В столовой было гулко и пахло борщом. На столах — чай в гранёных стаканах и нарезанный толстыми ломтями серый хлеб. Водки не было. Мансур запретил.

Парни сидели молча, уставившись в тарелки с кашей. Тишину нарушал только скрип вилок и тяжелое дыхание сотен человек. Когда дверь скрипнула и в проеме показалась шинель, Марат вскочил первым.

Лейтенант Зайнулин стоял у входа, заминая шапку в руках. Свежий «фонарь» под глазом уже зацвел желтизной.

— Ты попутал, начальник? — голос Марата прозвенел под сводами столовой, как удар арматуры. — В такой день припёрся... Уходи, пока я за Рустамку с тебя не спросил.

Зайнулин не шелохнулся. Он смотрел не на Марата, а вглубь зала, на Мансура.

— Завтра в пять утра будет облава, — сказал он негромко, но в наступившей тишине его услышали все. — Приказ Сажина. Брать будут всех по адресам. Тёпленькими, прямо из постелей.

Марат замер. Ярость в глазах сменилась холодным прищуром. Он медленно подошел к лейтенанту почти вплотную.

— А зачем ты нам это говоришь? Своих сливаешь?

— Не своих, — Зайнулин на секунду отвел взгляд, а потом посмотрел через плечо Марата прямо в глаза Мансуру. — Я к тебе перехожу. Если возьмёшь, конечно.

В столовой стало так тихо, что было слышно, как на кухне капает кран. Марат молчал долго, изучая лицо участкового, словно искал в нём след подвоха.

— Ты уже уволился?

— Нет. Рапорт ещё не писал. Решил сначала у вас спросить.

— То есть, если не возьмем — не уволишься? Пойдёшь завтра нас паковать? — Марат усмехнулся.

— Уволюсь, — твёрдо ответил Зайнулин. — Я уже решил. Или к вам пойду, или на завод. В отделе я больше...

Марат обернулся на Мансура. Тот сидел неподвижно, сложив тяжёлые руки на столе. Едва заметный кивок Мансура решил всё.

— Рапорт не пиши, — отрезал Марат. — Работай как работал. Но теперь ты с нами. Будешь нашими глазами в отделе.

Он сделал шаг назад, давая лейтенанту пространство, но голос его стал вкрадчивым и страшным:

— Только смотри, Зайнулин. У нас за такое не увольняют.

Зайнулин только кивнул. Он надел шапку и, не оглядываясь, вышел.

В столовой снова начали есть. Каша была та же. Вкус — другой.

Глава 9. Капкан

Ночь после поминок не была сонной.

В подвале 29-го комплекса горел свет, выхватывая из темноты тяжёлые грифы и углы самодельных станков. Мансур сидел за столом — один, если не считать массивной тени на стене. Перед ним лежал тетрадный листок в клеточку, исписанный корявым, торопливым почерком Зайнулина. Адреса. Имена. Марки машин. Номера квартир. Список тех, кто завтра в пять утра должен был прийти за ними.

Марат стоял напротив, не садясь. В подвале было тихо, только капала вода где-то в глубине коридора.

— Всех? — спросил Марат. Голос его прозвучал глухо, почти буднично.

— Всех, — ответил Мансур, не поднимая глаз от листка.

Больше ничего не потребовалось. Команды расходились без слов — кивок, взгляд, два пальца в сторону двери. Пацаны знали своё. К полуночи четыре группы уже растворились в городе.

Рустик и Венёк шли по комплексу, где жил Сажин. Метель валила на совесть — следы заметало через минуту, превращая фигуры парней в размытые серые тени. Рустик плотнее прижал к боку сумку, в которой глухо, по-крысиному, звякало железо.

— Третий подъезд, — шепнул Венёк, сверяясь с клочком бумаги. — Сорок вторая.

— Охрана есть? — Рустик на секунду притормозил у входа, всматриваясь в тёмные окна первого этажа.

Венёк криво усмехнулся, сплюнув в рыхлый снег:

— Нет там никого. Он же не Брежнев. Обычный мент в обычной панельке.

Они нырнули в подъезд. В нос ударил запах сырого подвала и кошачьей мочи. Ступеньки под кедами не скрипели — пацаны привыкли ходить неслышно. На четвёртом этаже они замерли перед дверью, обитой потертым дерматином. За ней было тихо. Сажин спал, ещё не зная, что его личная крепость только что превратилась в камеру.

Рустик достал из сумки отцовскую шприц-масленку, набитую густой эпоксидкой, и аккуратно вогнал носик в замочную скважину. Надавил поршень до упора. Тягучая масса заполнила механизм, обволакивая каждую пружину, каждый штифт.

— Сохнет сколько? — шёпотом спросил Венёк, озираясь на лестничную клетку.

— Быстро. К утру зубами не выгрызет.

Они спустились. У выхода Рустик обернулся, посмотрел на окна четвёртого этажа. В одном едва заметно подмигивал синеватый свет телевизора — кто-то уснул под бубнение программы «Время».

— Спи, начальник, — сказал он негромко. — Выспишься хоть за всю жизнь.

Во дворах у отдела в это время работала другая группа. Три «УАЗика» стояли в ряд под тусклым фонарём. Денис, не морщась, лёг прямо в снег под первый борт. Достал ножовку по металлу.

— Тормозные режем? — спросил Айдар сверху, прикрывая напарника спиной.

— Тормозные они на ходу заметят, в кювет уйдут, шуму много, — прохрипел Денис из-под машины. — Резину режем по корду. И в бензобак...

— Что в бензобак?

— Вот это. — Денис протянул ладонь.

Айдар вложил в неё тугой пакет с речным песком. Работали молча. Слышны были только скрип ножовки по резине и сухое шуршание метели. На первую машину ушло восемь минут. На вторую — шесть. Под третью Айдар уже лёг сам, не дожидаясь команды.

— Учишься, — одобрил Денис, вытирая руки снегом.

— Заткнись и давай пакет.

Яму начали копать в два часа ночи. Место выбрал Мансур лично — единственный узкий въезд во двор, зажатый между домом и забором детсада. Через этот горб «УАЗик» пройти не мог — только перевалиться.

Земля промёрзла на штык, ломы звенели, высекая искры. Пятеро работали посменно, сменяя друг друга каждые десять минут, пока остальные грели руки в карманах.

— Глубже, — бросил Марат, коротко мазнув лучом фонарика по дну траншеи. — Надо, чтобы мостом лёг сразу.

— Мы уже по колено зарылись, — выдохнул Тимур, отдуваясь. Пар шёл от него как от загнанной лошади.

— По пояс надо. Рой.

Тимур негромко выматерился, перехватил лом и снова ударил в звенящую землю.

Когда яма была готова, её засыпали снегом. Марат прошёлся сверху, разровнял следы подошвой. Отошёл на десять шагов, прищурился, оценивая работу.

— Не видно, — сказал Тимур, вытирая пот со лба ледяным рукавом.

— Вот и я говорю. Позиции — в подъездах. Ждём.

В четыре тридцать утра в квартире Сажина погас телевизор, который всю ночь бормотал что-то в пустоту.

В четыре сорок пять он проснулся по будильнику. Резко, по привычке, за годы службы ввевшейся под кожу.

В четыре пятьдесят Сажин стоял у двери в кителе, с ключом в руке. Он не понимал, что происходит. Ключ входил наполовину, поворачивался на треть — и вставал. Как влитой.

— Что за...

Он навалился плечом, напружинив ноги. Дверь, обитая добротным дерматином, даже не шелохнулась.

— Надя! — крикнул он в глубину квартиры. — Надя, что за чертовщина?

Жена вышла в коридор в халате, жмурясь от резкого света.

— Гена, пять утра почти... Ты чего шумишь?

— Ключ... Ключ заклинило!

Он ударил в дверь кулаком. Потом ещё раз, уже со злостью. И в этот момент из соседней квартиры, через тонкую панельную стену, донеслись такие же глухие удары и надрывный голос Петрова, старшего опера. Петров матерился так грязно и яростно, что Надя, не говоря ни слова, развернулась и ушла обратно в спальню.

Сажин сорвал трубку телефона. Пальцы мелко дрожали, попадая в дырки диска.

— Дежурный! Дежурный, ответь! — закричал он в трубку, едва услышав щелчок.

В ответ — только бесконечные, равнодушные гудки.

— Дежурный, мать твою!

Петров выбрался через балкон.

Он был мужик крепкий, не дурак, и когда понял, что замок «спекся», сразу пошёл к балконной двери. Второй этаж — не высота. Перелезть через перила, спуститься по водосточной трубе, бегом к гаражам.

Он перелез. Нашарил ногой опору. Труба была покрыта ночным льдом — гладкая и холодная, как стекло. Петров продержался секунды три.

Падал молча. Врезался в сугроб, и было бы ничего, но под тонким слоем пухлого снега спал бетонный бордюр. Петров нашёл его правой ногой сразу, всем весом. Треск кости был слышен до самого второго этажа.

— Мать твою, — сказал он очень спокойно, глядя в серое утреннее небо и хватая ртом морозный воздух.

В самом отделе тоже всё шло прахом.

Водитель Колчин прыгнул за руль, сунул ключ, рванул зажигание. Двигатель схватил — и тут же начал кашлять. Чихать. Давиться песком, который уже пошёл в карбюратор. Колчин яростно газовал, мотор ревел, захлёбывался и глох, снова ревел и окончательно затыкался.

— Заводи, падла! — орал кто-то из оперов, выскочивших во двор.

— Да завожу я, не видишь, что ли! Сдох он!

Второй «УАЗик» не подал признаков жизни вообще. Третий завёлся — и Колчин увидел это краем глаза, уже выпрыгивая из своей мертвой машины. Водитель третьего — молодой пацан Лёха, только полгода как из армии — рванул со двора, не дожидаясь остальных. В глазах азарт, в голове — устав.

— Лёха, стой! Куда один?! — кричали ему вслед, но Лёха уже летел по проспекту в сторону 29-го комплекса, подпрыгивая на обледенелых колдобинах.

Во дворе комплекса в это время стояла мертвая тишина.

Марат замер в нише подъезда, в густой темноте, и не отрываясь смотрел на въезд. Рядом — Тимур, Рустик, ещё человек десять. Все молчали. Кто-то перекачивал в ладонях обломок кирпича. Кто-то просто держал руки в карманах, сжимая пальцы в кулаки.

— Едет, — шепнул Тимур.

Гул мотора раздался сначала издали, а потом резко стал ближе. В предутренних сумерках блеснули фары. Лёха летел на скорости, уверенный, что эффект внезапности на его стороне. Он не видел яму. Он видел только пустой, спящий двор.

Марат не двигался.

— Едет, — повторил Тимур.

— Вижу.

«УАЗик» влетел в яму передними колёсами на скорости под шестьдесят. Звук был такой, что во втором подъезде разом зашлась лаем собака. Удар, следом — скрежет рвущегося железа, и тишину разорвал звон лопнувшего стекла. Машина на секунду задрала хвост в небо, передок ушёл в провал, и «бобик» с тяжёлым вздохом рухнул на бок в грязный снег.

— Алга! — взревел Марат.

Они выскочили все сразу. Кирпичи полетели с крыш, из окон, из-за углов — Марат не видел откуда, он уже бежал, впечатывая подошвы в лед. Стёкла лопались с коротким сухим звоном. Лёха внутри что-то кричал, пытался нашарить кобуру, но машину уже начали раскачивать — слаженно, в едином ритме, как на тренировке.

— Качай! — орал Марат, упираясь плечом в холодный металл борта. — Ещё! Ещё, пацаны!

Внутри кувыркались двое. Лёха и кто-то ещё — Марат не всматривался. Последний рывок — все вместе, на выдохе — и «УАЗик» с грохотом, от которого заложило уши, перевернулся на крышу. Колёса продолжали беспомощно крутиться в воздухе, как лапки дохлого жука.

Рустик уже стоял рядом, сжимая в руке промасленную тряпку.

— Это вам за Рустамку! — крикнул кто-то из темноты.

Марат не оборачивался. Он смотрел, как по бензобаку лениво начинает карабкаться первый оранжевый язык огня.

В пять утра Сажин всё так же сидел на полу в прихожей. Он звонил уже двадцать минут. Дежурный не отвечал. Петров не отвечал. Колчин не отвечал. Телефонный капсюль давал только равнодушные, пустые гудки.

За окном лежала улица — белая, выметенная метелью, абсолютно чужая. Где-то в стороне 29-го комплекса в серое небо медленно потянулась жирная чёрная полоса дыма.

Сажин смотрел на неё долго, не мигая. Потом медленно положил трубку на рычаг.

За окном рассветало

Глава 10. Цитадель

На столе лежала развернутая карта 29-го комплекса: серые прямоугольники домов, дворовые проезды, арки, тупики. Пятиэтажки на бумаге казались костяшками домино — поставь одну неправильно, и посыплется вся цепь.

Мансур и Марат склонились над картой.

Лампа под жестяным абажуром светила низко, выхватывая из темноты их лица. У Марата под глазами залегли тяжелые тени. Мансур, наоборот, будто только сейчас проснулся окончательно: взгляд у него был острый, неподвижный, злой.

Он постукивал костяшками пальцев по карте.

— Вчера отбились, — сказал Мансур. — Сегодня отбились. А завтра они опять придут. Марат молчал.

За окном гудел грузовик. Где-то во дворе хлопнула подъездная дверь, и оба на секунду замерли.

— Мансур, — наконец сказал Марат, ткнув пальцем в один из проездов. — Они перекроют этот выезд. Потом этот. Поставят машину у арки, пару человек у магазина — и всё. Мы окажемся в ловушке.

Мансур медленно поднял глаза.

— В ловушке оказываются те, кто ходит по чужим правилам.

— А по каким нам ходить? — спросил Марат. — Улицы одни для всех.

Мансур усмехнулся.

— Улицы — для них.

Он провел пальцем по карте: один дом, второй, третий. Потом остановился на длинной пятиэтажке, стоявшей поперек двора.

— А для нас будет другое.

Марат нахмурился.

— Что — другое?

Мансур не сразу ответил.

— Цитадель, — сказал он тихо.

Поднял голову.

— Что?

— Цитадель, — повторил Мансур уже тверже. — Каждый подъезд должен быть связан с другим. Каждая пятиэтажка, каждая панелька. Подвалы, техэтажи, старые проходы, служебные двери. Чтобы пацан зашел в один подъезд, а вышел в другом. Чтобы менты перекрывали двор, а мы уже были за их спинами.

Марат долго смотрел на него, пытаясь понять, шутит тот или нет.

— Ты представляешь, сколько людей придется втянуть?

— Представляю.

— Сантехники, слесари, дворники, кто-то из ЖЭКа. Один лишний язык — и нас сдадут.
— Значит, лишних языков не будет.

В комнате повисла тишина.

Марат отвел взгляд к карте.

— Это не сарай разобрать, Мансур. Это целый комплекс. Там жильцы, старухи на лавках. Все всё видят.

— Старухи видят то, что им показывают, — отрезал Мансур. — Ремонт труб. Сырость в подвалах. Замена коммуникаций. Скажут — авария. Скажут — плановые работы. Кто полезет проверять?

— А если полезут?

Мансур наклонился ближе.

— Тогда пусть пожалеют, что полезли.

Марат не ответил. Он знал этот тон. После него Мансур уже не обсуждал.

Собери надежных мужиков из сантехников, — сказал Мансур. — Только тех, кто молчит не за деньги, а потому что знает, где живет. Они лучше всех знают подвалы. Начнете с малого. Дом к дому. Подъезд к подъезду. Без шума. Без лишних глаз.

Марат медленно кивнул и достал блокнот.

— С чего начинаем?

Мансур снова посмотрел на карту.

— С тех мест, где нас могут зажать.

Он обвел карандашом несколько домов.

— Вот здесь. Здесь. И вот здесь. Если они перекроют выезды, мы уйдем под ними.

Марат записывал быстро, короткими фразами.

Мансур распрямился.

— Ты прикинь масштаб, Марат. Это будет не комплекс. Это будет живой организм. Свое метро, только без рельсов. Они будут ходить сверху, орать, ломиться в квартиры, а мы будем слышать их шаги из-под земли.

Марат поднял на него глаза. — Ты хочешь, чтобы весь район стал твоим домом?

Мансур усмехнулся.

— Нет. Я хочу, чтобы для всех остальных он стал чужим.

Он ткнул пальцем в центр карты.

— Даю команду. Начинаем строить цитадель.

Первые подвальные двери открылись уже на следующий день.

Снаружи ничего не изменилось. Днем в 29-м комплексе шла обычная жизнь: у подъездов сидели бабки в платках, во дворах сушилось белье, дети гоняли мяч между гаражами. Мужики в засаленных куртках спускались в подвалы с ящиками инструментов и ругались на старые трубы так громко, чтобы слышали все вокруг.

— Опять прорвало, — ворчал один.

— Наспех строили, что ты хочешь, — отвечал другой.

Жильцы привыкали к стуку, к запаху сырости, к открытым подвальным дверям. Привыкали к тому, что под домами постоянно кто-то ходит, что где-то меняют трубы, где-то чинят отопление, где-то таскают мешки с цементом.

Никто не видел главного.

Никто не видел, как за стенами подвалов появлялись новые темные проходы. Как старые технические коридоры соединялись между собой. Как на дверях возникали незаметные метки, понятные только своим. Как у каждого дома появлялся второй, третий, четвертый выход.

Марат худел на глазах.

Он почти не спал. Днем улыбался сантехникам, вечером проверял людей, ночью приносил Мансуру новые схемы. Руки у него постоянно пахли бумагой и сыростью. Иногда он засыпал прямо над картой, но стоило хлопнуть двери в коридоре — вскидывался, будто от выстрела.

Мансур не жалел его.

— Еще два дома, — говорил он. — Потом отдохнешь.

Марат кивал и шел обратно.

Цитадель росла, но не быстро. Где-то мешали усиленные стены, где-то приходилось искать обходы, где-то жильцы жаловались на шум. Однажды старуха из второго подъезда слишком долго стояла у подвальной двери и смотрела вниз, шурясь, будто пыталась разглядеть в темноте не трубы, а чужую тайну.

— Что там у вас? — спросила она.

Слесарь замялся.

Марат, стоявший рядом, улыбнулся первым.

— Вода, апа. Старая вода и старые трубы. Хотите — сами посмотрите.

Старуха прищурилась еще сильнее.

— Не пойду. Там крыс полно.

— Вот и мы их гоняем, — сказал Марат.

Старуха ушла, но на следующий день у подъезда появился участковый Зайнулин.

Долго смотрел на открытый подвал, потом на Марата.

— Нормально все? Люди жалуются.

— Успокой их. Это твоя работа, — сказал Марат.

Участковый не улыбнулся.

— Я завтра зайду к Мансуру.

— Заходи.

Настоящая проблема пришла не от жалоб жильцов.

Проблему звали Гриша Костыль.

Он был слесарем, пил немного, работал хорошо. Сначала молчал. Потом начал ворчать. Потом однажды вечером, когда Марат спустился в подвал, Гриша стоял у стены с папиросой в зубах и смотрел на него мутными глазами.

— Я выхожу, — сказал он.

Марат остановился.

— Куда?

— Из этого всего. Не мое это.

— Поздно выходить.

Гриша усмехнулся.

— Поздно? Я пока никому ничего не сказал. А могу ведь сказать. Ментам, например. Или тем, кто больше даст.

Марат долго смотрел на него.

Сверху донесся детский смех. Где-то по батареям побежал глухой металлический стук.

— Ты устал, Гриша, — тихо сказал Марат. — И домой хочешь. Иди домой. Завтра поговорим.

Гриша сплюнул под ноги.

— Завтра я уже сам решу, с кем говорить.

Он ушел.

Марат еще минуту стоял в подвале один.

Ночью Гришу привели к Мансуру.

Он уже не усмехался. Лицо у него было серым, губы тряслись. Мансур сидел за тем же столом, над той же картой. Лампа под жестяным абажуром светила ему в глаза, но он не моргал.

— Я никому ничего не сказал, — быстро заговорил Гриша. — Клянусь. Я просто ляпнул. С дури. Марат знает. Я работаю. Я все сделаю.

Мансур молчал.

Гриша перевел взгляд на Марата.

— Марат, скажи ему.

Марат не сказал.

Мансур наконец поднялся. Подошел к Грише близко, почти вплотную.

— Стена держится, пока в ней нет трещин, — сказал он. — Понимаешь?

Гриша закивал.

— Понимаю.

— Нет, — сказал Мансур. — Пока не понимаешь.

После этой ночи Гриша вернулся к работе.

Больше никто не спрашивал, можно ли уйти.

К концу третьего месяца 29-й комплекс изменился.

Внутри у него появилась вторая жизнь.

Вечером у одного из подъездов стоял милицейский УАЗик. Фары были выключены. В салоне пахло табаком, мокрой формой и холодным железом.

Оперативники сидели в засаде уже четвертый час.

Старший лейтенант Зиев мрачнел с каждой минутой.

— Точно придет? — спросил водитель, потирая замерзшие пальцы.

— Придет, — буркнул Зиев. — Ему больше некуда.

Булата искали после драки у рынка. Один человек оказался в больнице, второй пропал, третий неожиданно забыл всё, что видел.

В рации коротко треснул голос:

— Объект во дворе. Идет к третьему подъезду.

Зиев выпрямился.

Во двор вошел Булат.

Он шел спокойно, не оглядываясь, засунув руки в карманы куртки. У третьего подъезда остановился, достал сигарету, чиркнул спичкой. Огонек на секунду осветил его лицо.

— Он, — тихо сказал водитель.

Булат докурил не до конца, бросил сигарету в снег и зашел в подъезд.

Зиев подождал десять секунд.

Пятнадцать.

Двадцать.

— Пошли, — сказал он. — Берем.

Двери УАЗика распахнулись. Оперативники быстро пересекли двор и ворвались в подъезд. Сапоги загрохотали по лестнице.

На третьем этаже Зиев ударил кулаком в дверь.

— Милиция! Открывай!

За дверью было тихо.

Он кивнул одному из своих. Тот приложил плечо. Дверь с треском поддалась.

В квартире пахло капустой и халвой.

На спинке стула висела куртка. На кухонном столе стоял стакан с недопитым чаем. Окна были закрыты. Форточка — тоже.

Зиев прошел в комнату, потом в другую, потом в ванную.

Пусто.

— Где он? — спросил водитель.

Зиев резко повернулся к нему.

— А я откуда знаю?!

Он метнулся к окну. Двор просматривался весь: УАЗик, детская площадка, два пацана у качелей, старуха с авоськой у соседнего подъезда.

Никто не бежал.

Никто не прятался.

Зиев схватил рацию.

— Первый, второй, доклад! Выходил кто-нибудь?

В рации зашипело.

— Никак нет. Подъезд под контролем.

— Черный ход?

— Нет там черного хода.

Зиев сжал рацию так, что побелели пальцы.

— Значит, плохо смотрели!

Он выбежал на лестницу, потом во двор.

— Всё перекрыли! — заорал он. — Не мог он выйти!

Пацаны у качелей переглянулись. Один из них тихо усмехнулся.

Зиев услышал это и резко обернулся.

— Что смешного?

Пацан пожал плечами.

— Ничего, командир.

Зиев сделал шаг к нему, но остановился.

Что-то было не так.

Он снова посмотрел на дом. На подъезд. На окна третьего этажа. На старуху с авоськой. Не мог выйти.

Но и в квартире его не было.

Зиев выругался.

В это время в соседнем дворе, за длинной пятиэтажкой, открылась дверь.

Оттуда вышел Булат.

Он спокойно смахнул пыль с куртки, поправил воротник и поднял глаза.

У стены его ждал Марат.

— Долго ты, — сказал Марат.

Булат усмехнулся.

— Зато красиво.

Марат посмотрел в сторону соседнего двора, откуда доносились злые голоса милиционеров.

— Пошли. Мансур ждет.

Они не побежали. Не прятались. Просто прошли вдоль дома, свернули за угол и растворились в темноте между подъездами. После той ночи в 29-м комплексе многое изменилось.

Милиция еще приезжала. Перекрывала дворы. Ставила машины у выезда. Ломилась в квартиры. Дежурила у подъездов, проверяла чердаки, подвалы, лестничные клетки.

Но каждый раз комплекс будто насмехался над ними.

Человека видели в одном доме — а через пять минут он появлялся в другом конце комплекса. За ним заходили в подъезд — он исчезал. Караулили у выхода — он выходил там, где его никто не ждал.

29-й комплекс превратился в невидимую крепость.

Каждый дом стал узлом. Каждый подъезд — воротами. Каждая подвальная дверь — частью большой, молчаливой системы.

Но под этой обычностью текла другая жизнь.

Темная.

Тихая.

Послушная Мансуру.

Глава 11. Ключ в дверях

1978 год. Декабрь. Казань.

Эпоха Салиха Япеева закончилась не громким выстрелом, а сухим шелестом архивной бумаги.

Он знал содержимое каждой папки наизусть — каждую фамилию, каждую цифру, каждую строчку, которую когда-то прикрывал ладонью. Нити, которые он столько лет держал бережно, как хирург держит нить над разрезом, превратились в удавку.

Он надел китель. Застегнул пуговицы — снизу вверх, как всегда. Последний раз посмотрел на кабинет. Вышел. Ключ оставил в дверях.

Следом ушёл Табеев. Весной.

Хозяин республики, человек, при котором вырос КАМАЗ и расцвела Казань, уезжал в Кабул. Отправка послом в воюющий Афганистан была почётной — но всё же ссылкой. Он оставлял Татарстан новой команде, как капитан оставляет корабль, в трюмах которого уже начался пожар.

Проводы были скромные. Без оркестра, без речей на площади. Несколько человек в аэропорту — замы, секретари, водитель, который прослужил двенадцать лет и теперь не знал куда смотреть.

— Кабул, — сказал кто-то тихо, когда объявили посадку.

Никто не ответил. Все всё понимали.

Табеев пожал руки. Задержался на секунду. Потом повернулся и пошёл к трапу. Не оглянулся.

Рашид Мусин принял кабинет в марте.

Сел за стол. Попросил чаю. Выпил стоя, глядя на портрет Ленина — привычка, введённая за двадцать лет партийной работы. Потом сел и открыл первую папку.

Читал долго. Молча. Лицо не менялось.

За окном Казань жила своей жизнью — трамваи, прохожие, огни универмага на углу.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошёл министр МВД Николай Демидов. Невысокий, в сером костюме, с папкой под мышкой. Ничего примечательного — если не смотреть в глаза. Глаза были другие. Не злые, не холодные. Просто уже решившие.

— Садитесь, Николай Александрович.

Демидов сел. Папку положил на колени. Не на стол — на колени. Мусин это заметил.

— Табеев обещал Москве витрину, — сказал Мусин негромко. — Образцовый социалистический город. Понимаете?

— Понимаю, — ответил Демидов. — Витрина треснула.

Пауза легла между ними как предмет — плотная, осязаемая.

Мусин помолчал. Сцепил руки.

— Молодёжные группировки — это не педагогический брак. Это системная угроза. Что можем сделать?

Демидов открыл папку. Достал лист. Положил на стол — аккуратно, без театральности.

— Люди. Молодые, не засвеченные. Оперативники, которых они ещё не знают в лицо. Полномочия без лишних согласований. Связь, транспорт. И время — хотя бы полгода без звонков из горкома.

Мусин посмотрел на список.

— Горком будет звонить.

— Знаю. — В голосе Демидова появилось что-то тяжёлое — не насмешка, но близко к ней. — Там у некоторых секретарей сыновья в этих дворах.

Мусин не ответил. Смотрел в окно. Долго.

— Оперативные комсомольские отряды, — сказал он наконец, не поворачиваясь, — тоже забирай под себя.

Демидов кивнул. Забрал папку. Встал.

У двери он остановился на секунду — не оборачиваясь, как будто вспомнил что-то незначительное.

— Они молодые, — сказал он тихо. — Те, в дворах. Четырнадцать, пятнадцать лет. Это важно понимать.

Мусин не ответил.

Демидов вышел.

На улице уже темнело. Снег перестал, но воздух был тяжёлый, сырой — такой бывает, когда зима не хочет уходить, но сил держаться уже нет.

Рядом с машиной ждал молодой опер — Сергей Ломов, двадцать шесть лет, год в органах, лицо открытое.

— Ну как? — спросил Ломов.

— Едем в Челны.

— Когда?

— Завтра.

Они пошли к машине. Демидов застегнул пальто. Посмотрел на небо — без единой звезды.

— Сергей.

— Да?

— Ты в подвале когда-нибудь работал?

— Нет.

— Научишься, — сказал Демидов. И сел в машину.

Группы он начал формировать в апреле.

Без названий. Без вывесок. Молодые опера, которых никто не знал в лицо. Кабинет на третьем этаже, окна во двор, замок с новым ключом.

На стене — карта Челнов. Красные точки — комплексы. Синие линии — маршруты. И имена, написанные мелким почерком в углу. Карандашом. Чтобы можно было стереть — или дописать.

Его назовут Шестым отделом.

Глава 12. Свои

Шуралев прибыл в Набережные Челны в начале октября.

Поезд замер у временного перрона рано утром, окутанный паром и лязгом железа. Шуралев спрыгнул на бетон с одной сумкой — смена белья, папка, бритва. Командировочное предписание кололо грудь через внутренний карман пиджака. Город встретил его густым запахом мазута и ветром с Камы. Небо висело низко, напоминая, что Москва осталась где-то в другой жизни.

Он перехватил такси у края платформы. Водитель — хмурый старик в кепке, с вьёвшимся в складки рук мазутом — коротко бросил:

— Куда?

— В управление. В восьмой комплекс.

Таксист кивнул и включил счётчик. Шуралев смотрел в окно на проплывающие мимо шеренги новеньких панелек и бесконечные стрелы башенных кранов. Город был неожиданно огромным, продуваемым насквозь и каким-то неуютно-новым.

Управление выглядело как бетонная крепость — мощные плиты, решётки на первых этажах. Внутри пахло табаком. Дежурный изучал предписание долго, будто расшифровывал клинопись. Сличил фото с лицом, снова уткнулся в бумагу. Наконец козырнул:

— Третий этаж, налево. Подполковник Байдулин ждёт.

Байдулин оказался кряжистым мужчиной лет пятидесяти. Он крепко сжал руку Шуралева и, не спрашивая, плеснул в гранёный стакан чифирного чаю из облезлого термоса.

— Значит, возглавите шестой, — произнёс он негромко, будто пробуя слова на вкус.

— Так точно, — ответил Шуралев, чувствуя, как горячее стекло обжигает ладонь.

Байдулин помолчал, разглядывая гостя тяжёлым, оценивающим взглядом.

— Фамилия, значит, Шуралев? Алексей Николаевич?

— Так точно.

Подполковник усмехнулся одними уголками губ.

— Шурале знаете, кто такой?

— Леший, — коротко ответил Шуралев. — Лесной дух.

Байдулин довольно крякнул и придвинул к себе папку с личным делом.

— Ну вот и добро пожаловать. Будете у нас Шурале.

Он сказал это без злобы. Шуралев не знал, как реагировать. Обидеться было бы глупо. Засмеяться — неловко. Он выбрал третье: молча кивнул и взял горячую кружку. Это движение «засчиталось» — Байдулин едва заметно смягчился, и разговор пошёл суше, по делу.

Позже выяснилось, что прозвище прилипло к нему ещё до того, как он сошёл с поезда. Кто-то из штабных увидел фамилию в приказе, и к обеду первого дня по коридорам уже шелестело: Шурале приехал. Соседи-чекисты — ребята в отглаженных костюмах из управления неподалёку — заглядывали специально. Посмотреть на «лесного духа», поржать и пожать руку.

— Шурале, значит, — сказал один из них, широкий в плечах и подозрительно весёлый для своей конторы. — Говорят, хитрый был персонаж. Из леса живым не выпускал.

— Постараюсь соответствовать, — отозвался Шуралев.

Все засмеялись.

Людей в отделе было мало. Это Шуралев осознал к вечеру. Коридоры управления гудели: хлопали двери, тянуло табачным дымом с лестниц, кто-то вечно куда-то бежал. Но стоило копнуть вглубь своего участка, как выяснилось — «шестой» существует скорее на бумаге. Четыре человека в штате: один в отпуске на Каспии, другой на больничном с радикулитом. Из транспорта — два побитых УАЗика, один из которых стоял на приколе в гараже без запчастей. Связи с районными отделами — сплошные отписки и формализм.

— Снабжение у нас... специфическое, — пояснил один из немногих «живых» оперов, Хайруллин. Он носил густые усы, которые явно должны были добавлять ему солидности, но лишь подчёркивали молодость.

— Запросы пишем, бумаги шлём. Иногда завод что-то подкидывает.

— Давно так? — спросил Шуралев, глядя на пустую вешалку в углу кабинета.

Хайруллин пожал плечами:

— Да всегда так.

Он больше не добавил ни слова, уткнувшись в протокол. Шуралев не стал давить.

На третий день Байдулин сам завёл разговор.

Они остались в кабинете одни. Остальные разошлись по коридорам. Байдулин запер дверь на задвижку, тяжело опустился в кресло и сцепил пальцы в замок.

— Вы про «двадцать девярых» уже слышали? — спросил он, не поднимая глаз.

— Слышал, — коротко ответил Шуралев.

— И что именно?

— Что молодёжь сбилась в стаи. Что держат почти весь город. Что организованы не хуже роты.

Батурин помолчал, разглядывая трещину на графине.

— «Держат», — эхом отозвался он. — Это правильное слово, Алексей Николаевич. Они там порядок навели. Настоящий. Участковый в комплекс заходит раз в месяц, и то — предварительно позвонив. И знаете что? Там тихо. В подъездах не гадят, карманников нет, старушки вечером на лавках сидят спокойно.

Подполковник встал, подошёл к окну.

— И потом, — Байдуurin обернулся, — они нам помогают. По-соседски. Когда выезжать не на чем — бензин дают. Бумагу пачками везут. Вон, ручки на столе — их работа. У нас на складе даже стержней не осталось, а писать протоколы чем-то надо.

Он произнёс это буднично, с той страшной теплотой, с какой говорят о дальнем родственнике, который привёз мешок картошки.

Шуралев застыл.

Бензин. Бумага. Ручки.

— Вы это сейчас серьёзно? — спросил он.

— Серьёзнее некуда, — Байдуurin вернулся к столу. — Я понимаю, как это выглядит из Москвы. Но здесь — земля. Выкорчуете этих — на их место приползут другие, отмороженные, которых мы не знаем. А с этими есть диалог. Понимаете?

Он сел и взял со стола ту самую ручку. Покрутил её в пальцах.

— Это не значит, что мне это нравится, — добавил он почти шёпотом.

Сцену Шуралев увидел случайно.

В пятницу вечером, возвращаясь из управления пешком — он взял за привычку ходить, смотреть, запоминать — он проходил через двор одного из домов в 29-м. Было уже темно, но фонари горели. У турника стояли трое: двое молодых, лет семнадцати, и один постарше, лет двадцати пяти. Старший говорил. Негромко, спокойно. Те двое слушали.

Шуралев остановился у угла дома.

Он не слышал слов сразу. Потом ветер стих, и несколько фраз дошли до него отчётливо.

— ...если куришь — ты слабый. Понял? Слабый. Тебя можно взять руками...

Один из молодых кивнул. Серьёзно, как кивают на важном уроке.

— ...отец пьёт — это его выбор. Твой выбор — другой. Ты за себя отвечаешь...

Мужчина говорил ровно. Не кричал. Не угрожал.

Потом он что-то сказал тихо, и все трое засмеялись.

Шуралев стоял и смотрел.

Он ждал чего-то другого. Угроз, денег, страха. Но здесь был другой язык. И это было хуже. Гораздо хуже.

Потому что те двое не боялись. Они слушали, потому что хотели слушать.

Вечером Шуралев сидел в комнате, которую ему выделили в ведомственной гостинице. Маленькая комната, железная кровать, стол, лампа с жёлтым абажуром. На столе — блокнот, ручка, папка с материалами.

Он открыл блокнот. Посмотрел на чистую страницу.

Написал дату. Потом — название: 29-й комплекс.

И остановился.

Что писать дальше — он не знал. Не потому что не было фактов. Факты были. Группировка. Структура. Имена — некоторые. Эпизоды. Всё это можно было изложить в рапорте, чётко, по форме, с выводами и предложениями.

Но он думал о тех двоих у турника. О том, как они кивали. О том, что мужчина говорил им про слабость и про выбор — и они слушали, потому что больше некому было говорить им

такие вещи. Потому что отец пьёт. Потому что участковый приходит раз в месяц по договорённости. Потому что шестой отдел — две машины, одна на ремонте. Потому что авторучки заканчиваются, а со склада не допросишься.

Он закрыл блокнот.

Лампа горела. За окном шумел ветер. Где-то далеко — может, в соседнем дворе, может, дальше — лаяла собака.

Шуралев сидел и смотрел в стену.

Свои, — подумал он. Вот как они это называют. Свои.

И он не знал пока, что с этим словом делать.

В 29-м комплексе, поздно вечером, Мансур возвращался домой.

Он не знал про Демидова и Шуралева. Не знал про карту на стене третьего этажа.

Не знал, что его имя уже написано в углу — мелким почерком, карандашом.

Он просто шёл домой. Как шёл каждый вечер. Как будет идти — пока будет.

Глава 13. План и авторучка

На следующее утро Шуралев не вошёл, а ворвался в отдел.

Ночь он провёл за столом — не спал, не ел, только курил и писал.

К четырём утра перед ним лежали три листа мелким почерком: схема связей, хронология наблюдений, оперативный план задержания. Всё по уставу. Всё чисто. Он перечитал дважды, нашёл один изъян — исправил. Потом оделся, умылся холодной водой и поехал.

— Всех. В ружьё. Живо, — бросил он Хайруллину.

Хайруллин поднял голову от стакана чая. Посмотрел на Шуралева — на лицо, на папку, на то, как он стоит. Отдельно посмотрел на папку.

— Алексей Николаевич, так Загидуллин на больничном, у него спина... а Петров в отгуле.

— Поднять. Через час все в сборе. Едем брать Мансура.

Хайруллин помолчал секунду — ту самую секунду, в которую умещалось многое. Потом поставил стакан и потянулся к телефону.

Байдурин услышал шум из своего кабинета. Вышел с папиросой в зубах — в пиджаке, но без галстука. Посмотрел на Хайруллина, который говорил в трубку вполголоса, на Шуралева с папкой.

— Что за шум?

Шуралев объяснил. Есть основания для задержания. Протянул папку. Байдурин взял, открыл на первой странице. Читал медленно.

Потом закрыл. Усмехнулся.

— Шурале, ну куда ты лезешь? Какое задержание.

Ты сходи в «Каму» вечером, он там за вторым столиком. Пообщайся по-человечьи. Зачем этот цирк?

— Я в ресторанах не договариваюсь, — отрезал Шуралев. — Я приказы исполняю.

Байдурин посмотрел на него. Потом вернул папку.

— Твоё дело, — сказал он и ушёл к себе.

УАЗ загрузился через сорок минут. Загидуллин приехал прямо из больницы — сидел на заднем сиденье, держался за поясницу и молчал. Петров появился последним, от него пахло вчерашним, но он был в форме и в сборе, что уже само по себе достижение. Хайруллин сел рядом с водителем, положил руки на колени и смотрел вперёд — с видом человека, которого везут не туда, но он вежливо молчит.

Никто не разговаривал.

Шуралев сидел с папкой и тряс коленями.

29-й комплекс встретил их тишиной, которая бывает не от безлюдья, а от наблюдения. Шуралев это почувствовал сразу, как только вышел из машины, — то особое молчание двора, когда тебя видят все, но никто не смотрит. Форточки закрылись. Двое пацанов у гаражей испарились так синхронно, будто репетировали.

Мансур стоял у входа в подвал.

Он не бежал. Даже не напрягся — только повернул голову, когда они вышли из-за угла, и остался стоять. Руки вдоль тела. Лицо спокойное.

— Салфин Мансур? — спросил Шуралев.

— Он самый, — ответил Мансур.

— Пройдёмте.

Мансур не спорил. Протянул руки с таким видом, будто это была не процедура задержания, а обычное рукопожатие. Когда щёлкнули наручники, он только поправил воротник олимпийки — аккуратно, двумя пальцами.

— Зря вы так, начальник, — тихо сказал он.

Шуралев не ответил.

В КПЗ всё пошло не по уставу примерно через полчаса после оформления.

Сначала был запах. Копчёная рыба. Шуралев вышел из кабинета и обнаружил Хайруллина, который тащил сверток двумя руками, прижимая к животу. Плотная бумага промаслилась насквозь.

— Это что? — Голос Шуралева стал похож на скрип ржавых петель.

Хайруллин остановился.

— Так... передатка, Алексей Николаевич. Человек он, кушать надо.

Шуралев вырвал сверток. Развернул.

Внутри лежала стерлядка. Целая. Хорошо прокопчённая, с янтарным боком, завернутая с такой заботой. Рядом, отдельным свёртком — кусок домашнего пирога с рисом. Шуралев смотрел на этот натюрморт.

— Хайруллин, — сказал он наконец. — Он у нас задержанный или именинник?

— Алексей Николаевич, голодом его мारить?, — невозмутимо ответил Хайруллин.

Шуралев поставил сверток на подоконник.

— В камеру ничего не передавать, — сказал он. — Это приказ.

Хайруллин кивнул.

Люди в пиджаках приехали к обеду.

Шуралев слышал их ещё из кабинета — голос парторга был поставленным, привыкшим к собраниям, к трибунам, к президиумам.

Он вышел в приёмную.

Парторг был в строгом костюме — серый, в полоску. Красный значок на лацкане блестел как орден. Рядом стоял второй — моложе, в очках и с папкой. Шуралев узнал породу сразу — человек, который знает, какой именно параграф сейчас нужен.

— Вы на каком основании командира дружины держите? — парторг говорил веско, похозяйски. — Салфин — наш человек. Райком его лично рекомендовал. Три года дружина в 29-м работает, ни одного ЧП, жильцы благодарности пишут. А его ребята в прошлом месяце по самбо три золота на город взяли. Три! Газета написала. Вы читали? Нет? А надо читать. Я сейчас в Горком звонить буду.

Шуралев открыл рот.

— Основания в протоколе, — начал он.

— Какие основания? — Парторг поднял руку, коротко, как останавливают машину. — У меня вот основания.

Человек в очках достал из папки и аккуратно разложил на столе бумаги. Шуралев смотрел.

Благодарность от школы — за работу с трудными подростками. Грамота общества «Динамо» — за развитие спорта. Представление к районной премии за охрану общественного порядка — с четырьмя подписями. Вырезка из газеты: трое молодых людей в кимоно на пьедестале, и подпись внизу — воспитанники секции тренера М. Салфина. Отдельно — письмо от городского Совета народных депутатов с благодарностью за образцовую организацию дружины.

Шуралев смотрел на бумаги.

Они были настоящими. Печати, подписи — всё настоящее. Мансур Салфин охранял порядок, воспитывал молодёжь, растил чемпионов и получал за это грамоты. Район был тихий. Жалоб не поступало. Чужих не пускали.

Байдурин уже стоял в дверях своего кабинета.

Смотрел на всё это несколько секунд. Потом — не спеша, как человек, которому некуда торопиться, потому что он знает, чем это кончится, — прошёл мимо Шуралева к лестнице вниз.

Скрипнула дверь в коридоре.

Потом голоса — неразборчиво.

Потом шаги.

Мансур вошёл в приёмную первым. Спокойный, в той же олимпийке с поправленным воротником. От него пахло той самой стерлядьё — видимо, всё-таки передали. За ним шёл Байдурин.

— Мансур, ошибка вышла. Коллектив за тебя поручился.

Он повернулся к Шуралеву, который стоял у стены.

— Извинитесь, Алексей Николаевич, — негромко, но твёрдо сказал Байдурин. — Человека ни за что продержали. Погорячились.

Шуралев молчал.

Парторг ждал. Человек в очках складывал бумаги в папку. Хайруллин, появившийся откуда-то из коридора, с большим интересом изучал свисток.

Мансур шёл мимо — спокойный, не глядя по сторонам. Уже у порога он остановился. Обернулся.

— Ручку заберите, начальник. — Он достал из кармана и положил на край стола авторучку. — Выронили, когда меня паковали. Хорошая ручка, «Союз».

Вышел.

За ним вышли парторг и человек в очках. Потом Хайруллин — бесшумно, как умеют люди, которые давно научились не быть там, где неудобно.

Байдурин задержался в дверях. Посмотрел на Шуралева — без торжества, без сочувствия. Просто посмотрел.

И тоже ушёл.

Шуралев стоял в тишине. На краю стола лежала авторучка «Союз». Синяя, с золотым колпачком, потёртым у основания. На трёх листах убористого почерка — чистый план, хороший план, такой, каким план и должен быть — высыхали чернила.

Где-то в коридоре стоял запах пирожков, кто-то аппетитно причивкивал.

Глава 14. КГБ

Встречу назначил Шуралев.

Позвонил в половине восьмого утра — номер был написан на папиросной бумаге, которую он хранил в боковом кармане служебного удостоверения и ни разу не доставал. Голос на том конце ответил сразу, без гудков, будто трубку держали наготове.

— Виктор Андреевич. Это Шуралев, угрозыск. Мне нужно поговорить.

Пауза — короткая, в два дыхания.

— Когда?

— Сегодня. Если можете.

— Элеваторная гора, — сказал Салмин. — В час. Спуститесь к воде.

И положил трубку.

Кама в октябре была тёмная и широкая, как чужая мысль — войти в неё нельзя, берега не видно, и только чувствуешь, что она движется, медленно и без усилия, куда ей надо. Небо над ней стояло низкое, серое, с белёсыми прожилками — не осеннее уже, почти зимнее, — и вода отражала его точно, без искажений, будто земля и небо договорились и смотрели друг в друга молча.

Шуралев спустился по скользкому откосу, придерживаясь за кусты. Внизу был узкий береговой припёк — галька, крупная, серая, отполированная водой до тусклого блеска. Кое-где вытащенные на берег лодки лежали вверх дном, цепи примёрзли к камням. Дальше, у воды, торчали заросли, пожухлые, склонённые к поверхности — будто слушали.

Никого не было.

Он постоял. Поднял воротник. Посмотрел на реку.

Посередине Камы шёл буксир — низкий, с ржавым боком, толкал баржу с песком. Дым из трубы шёл ровно. Река несла его медленно. Буксир дал длинный гудок и пустота его приняла.

Салмин появился сбоку — со стороны маяка, по тропинке вдоль обрыва. Невысокий, лет сорока пяти, темноволосый, с аккуратными усами. Он встал рядом. Посмотрел на реку.

— Хорошее место, — сказал он.

— Успокаивает, — ответил Шуралев.

— Я и говорю.

Они постояли так — плечом к плечу.

Шуралев говорил минут двадцать.

О 29-м комплексе и о Мансуре, которого пришлось отпустить через три часа после задержания с извинениями. О народной дружине, которая давно стала инструментом в чужих руках. О том, как работают точки — через диспетчерские, через таксопарк, через снабженцев. О связях с директорами магазинов. О том, кто кому сколько платит и в каком виде. О партторге, который приехал с юристом и грамотами. О Байдурине, который знал всё это раньше него и, вероятно прикрывает.

Салмин слушал. Смотрел на реку. Один раз — когда Шуралев назвал конкретное имя — чуть прикрыл глаза, на долю секунды, почти незаметно, и снова открыл.

Шуралев замолчал.

Буксир давно ушёл за излучину. Кама была пустой — широкой и тёмной, до другого берега, который в этой серой мгле едва угадывался — низкая полоска леса, размытая, как воспоминание о чём-то не очень важном.

— Это всё? — спросил Салмин.

— Всё, что могу назвать с основаниями. Есть предположения.

— Оставьте при себе.

Он поднял воротник. Пошарил в кармане — достал папиросу, помял в пальцах, убрал обратно.

— Алексей Николаевич, — сказал он тихо, — я вам скажу одну вещь. Шуралев кивнул.

— Всё, что вы мне сейчас рассказали, я знаю. Мои люди знают. У меня в сейфе лежит папка — вот такая.

Он развёл руки — как рыбак, показывающий улов.

— Там есть имена, суммы, связи, схемы. Я писал рапорт. В управление. В Москву. По инстанциям. Последняя бумага — в ноябре прошлого года. Визировал сам, лично, с полным пониманием последствий. Ушла наверх.

— И что? — спросил Шуралев.

— Ничего, — сказал Салмин. — Совсем ничего. Просто тишина. Пустота.

Он помолчал.

— Юрий Владимирович знал, — сказал Салмин. — Я докладывал лично. Не через бумагу — лично.

Шуралев смотрел на реку.

— Андропов? И что он сказал?

— Ничего, — сказал Салмин. — Кивнул. Это был очень внимательный кивок.

Салмин повернулся к нему — впервые за весь разговор. Посмотрел внимательно.

Кама дышала. Это не было метафорой — просто река такой ширины создаёт своё движение воздуха, медленное и холодное, идущее от воды к берегу, и ты его чувствуешь лицом, как чувствуешь дыхание человека рядом в темноте.

— Виктор Андреевич, — сказал он. — Один вопрос.

— Задавайте.

— Вы сами — как вы с этим живёте?

Салмин не ответил сразу. Смотрел на воду — туда, где Кама поворачивала и терялась за высоким берегом с рыжими пятнами глины, с мокрым ельником по краю, с одинокой чайкой, которая зависла над самой поверхностью и не двигалась, держась на ветру.

Он застегнул плащ. Поправил воротник.

— Алексей Николаевич. Вы правильно сделали, что позвонили. Приходите ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.